

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

К.-Х. ШМИДТ

ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ И ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

Общеизвестно, что генетическое и типологическое родство языков — это два существенно различных вида «родства», которые необходимо строго отграничивать друг от друга. Л. Ельмслев выразил ту же мысль в следующей замечательной формулировке: «В пределах языковой семьи могут находиться языки совершенно различных типов, а в пределах одного и того же языкового типа могут быть языки, принадлежащие к совершенно различным семьям»¹. Принципиальную правильность этого высказывания можно доказать на многочисленных примерах, из которых мы приведем только два, иллюстрирующих правомерность обоих утверждений, сделанных Ельмслевом.

1. «В пределах языковой семьи могут находиться языки совершенно различных типов». В этой связи можно указать на соотношение тохарского и островного кельтского, двух индоевропейских языков, которые (особенно на основе морфологических критериев: медиопассивные образования на *r* и конъюнктив на *ā*) в историческом плане представляются относительно близкими. Х. Педерсен уже в 1925 г. писал: «Следует, таким образом, предположить, что итало-кельтский, фригийский, тохарский и хеттский в отдаленном прошлом представляли собой единую непрерывную группу диалектов языка-основы»². Если же рассматривать соотношения островного кельтского и тохарского с точки зрения «basic order typology» Дж. Гринберга³, то оказывается, что оба эти языка в процессе своего развития трансформировались в полярно противоположные типы. В островном кельтском мы обнаруживаем: 1) (в частности, в немаркированных повествовательных предложениях) линейное расположение членов предложения: «глагол — подлежащее — дополнение»; 2) использование предлогов и 3) прогрессивную позицию определяющего после определяемого. Для тохарского же верно обратное: 1) порядок слов: «подлежащее — дополнение — глагол»; 2) использование послелогов и 3) регрессивная постановка определяющего перед определяемым. Эти три критерия, установленные на основе «basic order», приобретают большую важность, когда они формулируются в виде правил импликации. В обоих языках полярно

¹ L. Hjelmslev, *Die Sprache*, Darmstadt, 1968, стр. 111; ср. Г. В. Цетели, *О языковом родстве и языковых союзах*, ВЯ, 3, 1968.

² H. Pedersen, *Le groupement des dialectes indo-européens*, Kopenhagen, 1925, стр. 52; ср. также: W. Meid, *Indogermanisch und Keltisch*, «Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft», 25, 1968, стр. 11 и мою статью «Tocharisch und Keltisch, historisch-vergleichend und typologisch betrachtet» («Indo-Iranica Gedächtnisschrift für A. Sommerfelt», München, 1972) ср., с другой стороны: E. Benveniste, *Tokharien et indo-européen*, «Festschrift H. Hirt», 2, Heidelberg, 1936 (русский перевод В. В. Иванова в сб.: «Тохарские языки», М., 1954, стр. 90 и сл.) и недавнюю работу: H. Wagoner, *Studies on the origins of the Celts and of early Celtic civilisation*, Belfast — Tübingen, 1971.

³ Ср.: «Universals of language», ed. by J. H. Greenberg, Cambridge (Mass.), 1963, особенно стр. 60 и сл. По вопросу о тохарском и кельтском ср. более подробно нашу статью в «Indo-Iranica».

противоположные трансформации можно тогда определить как системно-связанные «взаимозависимости»⁴.

2. «В пределах одного и того же языкового типа могут быть языки, принадлежащие к совершенно различным семьям». Если вернуться для иллюстрации этого положения к приведенному выше примеру, то *р е г р е с с и в н ы й т и п* [с препозицией конститутивных компонентов «глагол» (соответственно «определяемое») в предикативных и номинативных синтагмах]⁵, представленный островным кельтским, и *р е г р е с с и в н ы й т и п* (с постпозицией конститутивных компонентов) находят параллели в неиндоевропейских языках: первый — в семитских, а второй — в кавказских языках. В этой связи Покорный во многих своих работах высказал до сих пор остающийся бесспорным тезис о том, что типологические совпадения между островными кельтскими и семитскими (соответственно — хамитскими) языками обусловлены «неиндоевропейским субстратом» в островном кельтском⁶. Этот же тезис он за несколько лет до смерти привлек для объяснения начальной позиции глагола в предложении в островном кельтском⁷. С другой стороны, наблюдаемый в тохарском регрессивный тип (с конечной постановкой глагола, с послелогом и с определяемым в позиции после определяющего) является также релевантным для кавказских языков типа новогрузинского или табасаранского⁸ и, кроме того, для распространенного на Кавказе индоевропейского языка — осетинского.

Переходя к рассмотрению кавказских языков (КЯ), которые обычно подразделяются на три группы — южнокавказские (ЮКЯ), восточнокавказские (ВКЯ) и западнокавказские (ЗКЯ), отметим, что в своей совокупности эти языки могут быть определены согласно формулировке, принадлежащей Деетерсу: «это те языки, которые распространены в ареале кавказских гор и на равнинах к северу и югу от них (или были распространены еще в XIX в.), которые не принадлежат ни к одному из соседних крупных языковых семейств и, таким образом, оказываются занесенными в этот район более поздними пришельцами»⁹.

Термин «кавказские языки» не следует сравнивать с терминами «тюркские языки», «семитские языки», так как в этих случаях перед нами — генетическое родство соответствующей «языковой семьи», в то время как определение «кавказских языков» у Деетерса содержит только

⁴ О термине «взаимозависимость» (interdependence) ср.: L. Hjelmslev, *Prolegomena to a theory of language*, translated by F. J. Whitefield, Madison, 1963, стр. 24.

⁵ О дифференциации предикативной, социативной и детерминативной синтагм см.: N. S. Trubetzkoy, *Le rapport entre le déterminé, le déterminant et le défini*, «Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally», Genève, 1939, стр. 75 и сл.; об «основном, или конститутивном члене» ср.: J. Kurylowicz, *Les structures fondamentales de la langue: groupe et proposition*, «Studia philosophica», III, 1948 (= «Esquisses linguistiques», Wrocław — Kraków, 1960, стр. 35—40).

⁶ Ср. особенно: J. Pokorny, *Das nicht-indogermanische Substrat im Irischen*, *ZfcltPh*, 16, 1927; 18, 1930; ср. также, с одной стороны: H. Wagnier, *Das Verbum in den Sprachen der britischen Inseln*, Tübingen, 1959; и с другой стороны: C. Watkins, *Preliminaries to a historical and comparative analysis of the syntax of the Old Irish verb*, «Celtica», 6, Dublin, 1963, или: W. Meid, *Die indogermanischen Grundlagen der altirischen absoluten und konjunkten Verballflexion*, Wiesbaden, 1963.

⁷ J. Pokorny, *Zur Anfangstellung des inselkeltischen Verbuns*, «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», 16, 1964, стр. 75 и сл.

⁸ Ср.: Г. А. Климов, К вопросу о порядке членов атрибутивного комплекса в картвельских языках, сб. «Вопросы изучения иберийско-кавказских языков», М., 1961; А. А. Магомедов, Табасаранский язык, Тбилиси, 1965, стр. 341; К.-Н. Schmidt, *Agglutination und Postposition im Tocharischen*, «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», 25, 1969.

⁹ G. Deeters, *Die kaukasischen Sprachen*, в кн.: «Handbuch der Orientalistik», Bd. 7, Abt. 1, Leiden — Köln, 1963, стр. 3.

негативное утверждение о том, что они «не принадлежат ни к одному из соседних крупных языковых семейств». Доказательство генетического родства всех групп КЯ до сих пор не приведено и, вероятно, его вряд ли удастся когда-либо привести.

Как недавно показал Г. Фогт¹⁰, исследование генетических связей КЯ затрудняется следующими двумя факторами: 1) отсутствие временной перспективы (только в грузинском языке обнаруживается письменная традиция, восходящая к V в.); 2) небольшая территория, на которой распространены 30—40 засвидетельствованных КЯ. То, что тесное территориальное соприкосновение языков ведет к контактам и к интерференции, а это в конечном итоге способствует образованию «языковых союзов», общеизвестно¹¹.

На Кавказе это явление особенно хорошо прослеживается в распространенных там индоевропейских языках — армянском и осетинском, фонологическая и грамматическая системы которых обнаруживают влияние КЯ¹². Вторичный характер интерференции языковых явлений во многом становится вероятным: 1) на основе приведенного нами выше положения о том, что типологические совпадения языков являются принципиально нерелевантными для доказательств генетического характера; 2) на основе установленного факта индоевропейского происхождения армянского и осетинского языков: модель реконструкции указанных языков с большим трудом или совсем не дает возможности объяснения этих языков; 3) на основе внутренней реконструкции самих этих языков; 4) на основе статистических исследований частотности фонем.

Из этих (позитивных, герр. негативных) доказательств первое (типологические совпадения являются принципиально нерелевантными для построений генетического характера) нам уже известно. Доказательство № 2 (индоевропейское происхождение армянского и осетинского) может считаться установленным. С другой стороны, доказательства № 3 (внутренняя реконструкция) и № 4 (статистические исследования частотности) нуждаются в пояснении примерами. В качестве примера внутренней реконструкции может служить агглютинирующее склонение, которым осетинский и армянский принципиально отличаются от флективной модели индоевропейского праязыка. Осетинская система напоминает восточнокавказские языковые отношения не только расположением морфем [1] лексема, 2) показатель числа, 3) для ед. и мн. числа — одинаковый показатель падежа], но и богатством формально дифференцированных падежных морфем (в иронском диалекте их девять; номинатив, генитив, датив, аблатив, аблатив, инессив, адессив, экватив и комитатив)¹³.

В противоположность этому в нововосточноармянском обнаруживается только семь падежных морфем (номинатив, генитив, датив, аккузатив, аблатив, инструментальный падеж, локатив), которые, однако (в отличие от древнеармянского), располагаются в порядке последовательной агглю-

¹⁰ Г. Фогт, *Индоевропейские языки и сравнительные методы*, ВЯ, 1971, 4.

¹¹ Ср.: К.-Н. S c h m i d t, *Grammatische Kategorien als konstante und variable Größen der Übersetzung*, ZDMG, 118, 1968; е г о ж е, *Sprachliche Übersetzung und kategoriales Umdenken*, в кн.: «Sprachwissenschaft und Übersetzen» («Commentationes Societatis linguisticae Europaeae», 3), München, 1970.

¹² Относительно фонологии ср.: Т. В. Г а м к р е л и д з е, Г. И. М а ч а в а - р и а н и, *Система сонантов и аблаут в картвельских языках*, Тбилиси, 1965 (на груз. яз. с русск. резюме), стр. 025.

¹³ Ср., например: V. I. A b a e v, *A grammatical sketch of Ossetic*, The Hague, 1964, стр. 17 и сл.; Н. V o g t, *Le système des cas en ossète*, AL, 4, Copenhagen, 1944, стр. 17—41; О. Т е д е в, *Замечания об общих чертах в грузинском и осетинском*, «Юбилейный сборник, посвященный Г. С. Ахвледиани», Тбилиси, 1969 (на груз. яз.). В «basic order» осетинский соответствует регрессивному типу (V. I. A b a e v, указ. соч., стр. 127).

тинации, ср. *sar(ə)* «гора», инстр. падеж *sar-ov* в противоположность им. падежу мн. числа *sar-er(ə)*, инстр. падеж *sar-er-ov*. То, что такая агглютинирующая система является результатом трансформаций, вытекает из преобладания флексии в древнеармянском склонении. Единичные «агглютинирующие признаки» в древнеармянском еще не отвечают важному для агглютинирующих языков принципу постановки морфемы числа перед морфемой падежа; они скорее обнаруживают обратную последовательность (order)¹⁴, т. е. постановку морфемы падежа перед морфемой числа (например, др.-арм. *ban* «слово», инстр. падеж *ban-iv*, им. падеж. мн. числа *ban-k^s*, инстр. падеж *ban-iv-k^s*).

Ступени трансформации, полученные на основе реконструкции (древнеармянская флексия → нововосточноармянская агглютинация) приобретают доказательную силу при сравнении с материалом южнокавказского грузинского языка: в древнегрузинском множественное число имен (в косвенных падежах действовал флективный принцип) строилось на основе двухпадежной системы, независимой от единственного числа, причем в прямом падеже обнаруживалось *-ni*, а в косвенном *-ta*. В новогрузинском этот флективный принцип подвергся трансформации. В результате мы обнаруживаем здесь агглютинирующую флексию и связанное с ней увеличение протяженности падежа во множественном числе, например др.-груз. мн. число им. падежа *saxl-n-i* «дома», косв. падежа *saxl-ta* в противоположность новогруз. мн. числу им. падежа *saxl-eb-i*, род. падежа *saxl-eb-isa*, дат. падежа *saxl-eb-sa* и т. д. (ед. число им. падежа *saxl-i*, род. падежа *saxl-isa*, дат. падежа *saxl-sa* и т. д.)¹⁵.

Здесь вполне можно предположить влияние тюркских языков при становлении агглютинации. Тем не менее остается еще доказать, имеем ли мы здесь дело с конвергентным развитием, для чего необходимо будет привести дополнительный материал схождения в грузинском и армянском¹⁶.

Положения подобного рода можно установить с помощью метода, который я несколько лет назад назвал «сравнительно-исторической типологией языков»¹⁷ и для которого Гамкрелидзе использует термин «диахроническая типология»¹⁸. При использовании этого метода языки сопоставляются не только синхронно-типологически, но также диахронически путем конфронтации засвидетельствованных древних или реконструируемых стадий их развития. В приводимом ниже примере мы получаем своего рода четырехугольник (square)¹⁹: (древне)груз. флексия: (древне)арм. флексия = (ново)груз. агглютинация: (ново)арм. агглютинация или $AC : BC = AD : BD$ (где *A* — грузинский, *B* — армянский, *C* — флексия, *D* — агглютинация). Положение об интерференции языковых

¹⁴ Об этом термине см.: Н. А. Gleason, An introduction to descriptive linguistics (revised edition), New York, 1966, стр. 112.

¹⁵ Ср.: Г. А. Климов, Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте, М., 1962, стр. 10 и сл.; К.-Н. Schmidt, Morphemstellungsprobleme, KZ, 85, 1971, стр. 178. и сл.

¹⁶ Ср.: Г. Фогт, Индоевропейские языки и сравнительные методы, стр. 40, где приведена дополнительная литература, а также: К.-Н. Schmidt, Konjunktiv und Futurum im Georgischen und in indogermanischen Sprachen, «Revue de kartvelologie» (далее — RK), 17—18, Paris, 1964, стр. 150—154; ср. также: Н. Vogt, Substrat et convergence dans l'évolution linguistique, «Studia septentrionalia», 2 («Festschrift til K. Nielsen»), Oslo, 1945.

¹⁷ Ср.: К.-Н. Schmidt, Historische Sprachvergleichung und ihre typologische Ergänzung, ZDMG, 116, 1966, особенно стр. 19 и сл.

¹⁸ Т. В. Гамкрелидзе. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки, ВЯ, 1971, 2 и ВЯ, 1971, 3.

¹⁹ Об использовании этого термина см.: J. H. Greenberg, Essays in linguistics, Chicago, 1963, стр. 20.

явлений на основе их статистически низкой частотности особенно возможно в отношении фонологии. В качестве простого примера можно указать на гортанные смычные согласные в осетинском языке. Индоевропейскому была чужда «рекурсивная корреляция»²⁰ между согласными, имеющими гортанную смычку и не имеющими ее («checked» — «unchecked»²¹). Фонологической системе осетинского языка свойственны пять согласных с супраглоттальной артикуляцией (*p̥, t̥, c̥, ʃ̥, k̥*)²²; однако их низкая частотность и вытекающее отсюда «периферийное» значение (за пределами «базисной системы»²³) говорят тем не менее о том, что эти фонемы проникли в осетинский язык через заимствованные слова²⁴.

С осетинским языком нельзя сравнивать отношения в нововосточноармянском, в котором (во взрывных и аффрикатах) обнаруживается трехчленная корреляция гортанных взрывных, аспирированных глухих непридыхательных и средних согласных, что является основополагающим для КЯ и для осетинского языка. Артикулируемые с гортанной смычкой согласные (гортанные смычные) в этом языке являются результатом трансформации индоевропейских глухих непридыхательных²⁵: и.-е. средние → → др.-арм. глухие непридыхательные → нововост.-арм. гортанные смычные. Гортанные смычные являются поэтому лишь фонетической реализацией древних глухих непридыхательных, возникшей благодаря звуковой субституции. Исследование их частотности вряд ли может привести к какому-либо существенному результату.

Интерференции и конвергенции, которые обнаруживаются между КЯ в узком смысле — с одной стороны, и индоевропейскими языками Кавказа — с другой стороны, дают основание заключить, что внутри КЯ произошли языковые смешения, которые следует выявить. Естественно, что языковые смешения могут происходить на любой стадии развития языка, начиная от относительно целостных ЮК, ЗК и ВК праязыков до исторически засвидетельствованных отдельных языков. Для последних особенно важно заимствование слов из других языков. Исследователи последних лет концентрировали основное внимание на соотношении друг с другом ЮКЯ, ЗКЯ и ВКЯ²⁶. Следует отметить, что эти исследования, особенно в отношении ВКЯ, не всегда достаточно дифференцированы, хотя более дробное подразделение ВКЯ, как и других групп, давно известно и вошло в учебники. Для углубленного исследования соотношения между ЗКЯ, ВКЯ и ЮКЯ, следует обратить больше внимания на языковые модели, которые располагаются между этими тремя языковыми семьями и отдельными языками.

²⁰ Термин Н. С. Трубецкого («Grundzüge der Phonologie», 4 Aufl., 1967, стр. 139).

²¹ R. Jakobson, M. Halle, Fundamentals of language, The Hague, 1956, стр. 31; ср. также: N. Chomsky, M. Halle, The sound pattern of English, New York — London, 1968, стр. 315 и сл.

²² Ср.: V. I. Abaev, W. Belardi, N. Minissi, Profilo grammaticale dell'osseto letterario moderno, «Annali dell'Istituto orientale di Napoli», sezione linguistica, vol. 6, Roma, 1964, стр. 12 и V. I. Abaev, A grammatical sketch of Ossetic, The Hague, 1964, стр. 6 и сл.

²³ Ср.: H. Vogt, Phoneme classes and phoneme classification, «Word», 10, 1954, стр. 28—34, особенно стр. 34.

²⁴ В настоящее время в Бохуме подготавливаются диссертации по типологии фонологической системы КЯ, осетинского и армянского, а также по словарным заимствованиям в осетинский язык из КЯ (М. Йоб и Р. Бильмайер).

²⁵ Ср.: G. R. Solta, Die armenische Sprache, «Handbuch der Orientalistik», 7, 1 Abt., Leiden — Köln, 1963, стр. 91 и сл.

²⁶ Ср., например: G. Deeters, Die Stellung der Khartwelsprachen unter den kaukasischen Sprachen, RK, 23, 1957, стр. 12—16; G. A. Klimov, A contribution to the typological description of the Kartvelian languages (in comparison with other Ibero-Caucasian languages), XXV International Congress of Orientalists, Moscow, 1960.

Вместе с Деетерсом²⁷ ВКЯ можно подразделить на вейнахские языки, аварско-андийские языки, лакско-даргинские, самурские, хиналугский и удинский. Такая дифференциация в восточнокавказском ареале близка к «внутригрупповому родству» Чикобава, т. е. родству между языками одной группы. Кроме абхазско-адыгейской группы (=ЗКЯ) и картвельских языков (=ЮКЗ), Чикобава отличает в ВКЯ чечено-ингушко-бацбийские (=вейнахские языки) от дагестанских языков, которые в свою очередь он подразделяет на аваро-андийско-дидойскую, лакскую, даргинскую и лезгинскую (=самурские языки) группы²⁸.

Сам Чикобава, однако, исходит из межгруппового родства, т. е. он предполагает генетическое родство между всеми КЯ или так называемыми «иберио-кавказскими языками» как заранее данное. Из сказанного вытекает, что исследование генетических связей КЯ все еще остается открытым вопросом. Для выяснения этих проблем в кавказоведении принципиально важной представляется постановка следующих вопросов: 1) какие интерференции обнаруживаются в пределах КЯ? 2) каким образом можно после исключения этих интерференций реконструировать крупные языковые единства (так называемые «праязыки») и соотнести их друг с другом?

Реконструкция должна проводиться в двух различных плоскостях: а) в плане языковой типологии, б) в сравнительно-историческом плане. С точки зрения типологии необходимо исследовать трансформации, которые привели к распаду более древней системы или модели; с другой стороны, саму эту систему следует конфронтировать с другими реконструированными моделями. Предметом типологического исследования остается (по словам Якобсона) «языковая система, а не инвентарь»²⁹.

В сравнительно-историческом плане и путем внутренней реконструкции тот же инвентарь следует изучать в виде сравнения слов при учете звуковых законов. Это единственный метод, с помощью которого можно с достоверностью доказать языковое родство. В дополнение при интерпретации материала можно использовать возникшие позднее более усовершенствованные приемы структуризации и формализации языковых трансформационных процессов. Я имею в виду, с одной стороны, «фонологизацию»³⁰ и «дефонологизацию» Якобсона или «split» и «merger»³¹ Хенигсвальда и, с другой стороны, порождающую фонологию³². В этой связи для ЮКЯ следует особо упомянуть работы Гамкрелидзе и Мачавариани³³, основная ценность которых, как мне кажется, состоит в том,

²⁷ «Handbuch der Orientalistik», 7, 1 Abt.; Leiden — Köln, 1963, стр. 4 и сл. Несколько в другом плане ср.: Г. А. Климов, Кавказские языки, М., 1965, стр. 50, где различается пять подгрупп: 1) нахская, 2) аварско-андийско-цезская, 3) лакская, 4) даргинская, 5) лезгинская.

²⁸ А. Чикобава, Проблема родства иберийско-кавказских языков, «Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков», Махачкала, 1969, стр. 13—35, особенно стр. 15 и сл.

²⁹ R. Jakobson, Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics, «Proceedings of the VIII International Congress of linguists», Oslo, 1958, стр. 17 и сл.

³⁰ R. Jakobson, Prinzipien der historischen Phonologie, TCLP, 4, 1931.

³¹ H. M. Hoenigswald, Language change and linguistic reconstruction, Chicago, 1960.

³² Ср.: R. D. King, Historical linguistics and generative grammar, New Jersey, 1969.

³³ Ср.: Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани, Система сонантов и аблаут в картвельских языках; ср.: К. Н. Schmidt, IF, 73, 1968, стр. 395 и сл. (рецензия); его же, Beiträge zu einer typologisch-vergleichenden Grammatik der Indogermanischen und südkaukasischen Sprachen, «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», 23, 1967; его же, Sprachstruktur und Sprachbund, RK, 23, Paris, 1971. На основе порождающей фонологии построена работа Т. В. Гамкрелидзе, Деаффрикатиза-

что в них сделан шаг вперед в области разработки относительной хронологии для фонологических и морфологических трансформаций. В связи с отсутствием исторической традиции (если не считать грузинский язык) для исследования соотношения КЯ друг к другу и к другим языкам особое значение приобретает замена отсутствующей временной перспективы строгой относительной хронологией.

Ниже будет сделана попытка на основе конкретного материала более подробно остановиться на проблемах и возможностях типологической и генетической реконструкции КЯ.

Типологическая реконструкция. В работах по типологическому положению КЯ нет недостатка. В них до настоящего времени особенно разбирались следующие вопросы: 1) каталогизация всех признаков, общих для КЯ; 2) установление характерных различий между тремя группами языков — ВКЯ, ЗКЯ и ЮКЯ; 3) обсуждение соотношения КЯ с некавказскими языковыми семьями (эта проблематика в настоящей статье не будет затронута)³⁴.

С другой стороны, насколько мне известно, до сих пор недостаточно исследованы следующие две проблемы: 4) эксплицитное применение диахронической языковой типологии к КЯ; 5) более определенная дифференциация КЯ при исследовании частных проблем. Из перечисленного выше комплекса вопросов ниже будут рассмотрены только номера 1), 2), 4) и 5).

1. Среди признаков, общих для всех КЯ, обычно особо выделяется расположение смычных согласных (включая аффрикаты) в трехчленном пучке корреляции: субгортанный (= глухой с аспирацией), супрагортанный (= глухой с гортанной смычкой), звонкий. Однако этот признак не является релевантным в качестве критерия языкового родства, ибо, как мы уже говорили, он обнаруживается и в индоевропейских языках Кавказа. Статистические исследования частотности отдельных артикуляционных рядов пока еще отсутствуют.

В области синтаксиса глагола в качестве наиболее важных черт КЯ следует назвать дифференциацию между тремя основными синтагматическими моделями, а именно, между 1) переходными, 2) непереходными, 3) аффективными глаголами (*verba sentiendi*)³⁵. «Типично кавказской» обычно считается так называемая «пассивная глагольная конструкция», или «эргативная конструкция» переходного глагола. В этой конструкции объект переходного глагола и субъект непереходного глагола одинаково конструируются как грамматические субъекты. В качестве критерия генетического родства эта конструкция³⁶ (обнаруживаемая во многих языках мира) не имеет никакой ценности.

2. В соответствии с обнаруживаемыми в них различиями ВКЯ и ЗКЯ представляют собой полярные противоположности. Об этом сказано в краткой формулировке Деетерса: «в первых преобладают категория именных классов, неличные глаголы и выражение отношений в предложении с помощью падежей и послелогов; последние являются синтетическими, обладают полиперсональными глаголами и используют превербы вместо падежей для обозначения синтаксических отношений»³⁷.

ция в сванском. «Правила переписывания» в диахронической фонологии, Тбилиси, 1968 (на груз. яз. с русск. резюме).

³⁴ Ср. об этом: К.-Н. Schmidt, Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache, Wiesbaden, 1962, стр. 5 и сл.

³⁵ Ср. подробнее: К.-Н. Schmidt, Transitiv und Intransitiv, «Kratylos» (в печати); е го же, Probleme der Typologie (Indogermanisch/Kaukasisch), «Festschrift A. Тоvаг» (в печати)

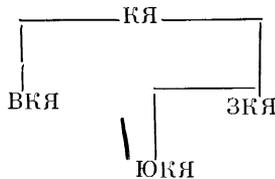
³⁶ Сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов», Л., 1967, стр. 13.

³⁷ G. Deeters, RK, 23, 1957, стр. 13.

Промежуточное положение занимают ЮКЯ, которые типологически создают впечатление трансформированных ЗКЯ. В ЮКЯ отсутствует, с одной стороны, категория именных классов, глагол в этих языках носит в значительной степени полиперсональный характер, в связи с чем их можно отнести к типу ЗКЯ; с другой стороны, в этих же языках наряду с превербам (тип ЗКЯ) для синтаксической связи элементов предложения используются падеж и послелого (тип ВКЯ).

4. Теперь мы можем перейти к рассмотрению эксплицитного применения диахронической языковой типологии к КЯ. Использование этого метода становится вполне оправданным, если принять во внимание следующее соображение. Как мы уже говорили, при обсуждении общих признаков всех КЯ следует принципиально исходить из того положения, что они могут быть результатом интерференций и конвергентного развития. С другой стороны, при обсуждении различий между ВКЯ, ЗКЯ и ЮКЯ следует поставить вопрос о том, не имеем ли мы здесь дело с результатом дивергентных трансформаций.

С точки зрения языковой типологии указанные три группы языков скорее всего распадаются на две ветви — ВКЯ и ЗКЯ, причем ЮКЯ вычленились из ЗКЯ.

Если эта схема (которую следует понимать только в типологическом смысле) верна, то перед диахронической языковой типологией встают две проблемы: а) определение соотношения ЗКЯ и ЮКЯ; в) определение соотношения ЗКЯ (включая ЮКЯ) и ВКЯ.

Оба вопроса чисто имплицитно уже рассмотрены в науке: первый — в связи с обсуждением положения ЮКЯ среди КЯ, второй — в связи с попыткой доказать пракавказский характер селективной категории³⁸ именных классов, распространенной в ВКЯ, что, однако, до сих пор не привело к какому-либо успеху³⁹.

При обсуждении положения ЮКЯ особый интерес вызывает вопрос о влиянии индоевропейского суперстрата. Деетерс⁴⁰ предполагал, «что тип ЮКЯ можно понимать как смешанный тип, стоящий между типом ЗКЯ и древними индоевропейскими языками, представленными греческим, латинским, русским». Среди приводимых им аргументов, подтверждающих этот тезис, следует указать на следующие черты, отличающие ЮКЯ от ЗКЯ и сближающие их с индоевропейскими языками: «автономия слова»; падежная флексия существительного; резкие различия между частями речи, особенно между именем и глаголом; преобразование транзитивного презенса в активно-транзитивное время, при котором деятель стоит в именительном падеже, построение самостоятельного пассива; образование видовой системы, дифференцируемой по основам презенса и

³⁸ Об этом термине ср.: Ch. F. Hockett, *A course in modern linguistics*, New York, 1964, стр. 230.

³⁹ Ср. дискуссию в работе: G. Deeters, *Gab es Nominalklassen in allen kaukasischen Sprachen?*, «Corolla linguistica. Festschrift F. Sommer», Wiesbaden, 1955.

⁴⁰ G. Deeters, *RL*, 23, 1957, стр. 14; ср.: G. Deeters, «Corolla linguistica», стр. 26.

аориста, причем, кроме категории вида, имеется еще система перфекта; наличие подчинительных союзов ⁴¹.

С другой стороны, Гамкрелидзе и Мачавариани предприняли широкое исследование с целью доказать изоморфизм между функциональным аблаутом в протокартвельском, ЮК языке-основе и индоевропейском ⁴². Эта работа заслуживает самой высокой оценки, хотя ее выводы не во всем одинаково убедительны ⁴³, прежде всего, потому, что остается неясной временная соотношенность индоевропейского суперстрата. Предполагаемые контакты между ЮКЯ и отдельными индоевропейскими языками (хеттским ⁴⁴, армянским ⁴⁵, иранским ⁴⁶, киммерийско-фракийским ⁴⁷ или греческим ⁴⁸), на которые указывали различные ученые, засвидетельствованы в довольно поздний период и не могут объяснить влияние индоевропейской системы аблаута на ЮКЯ. Эта система (согласно теории корня Бенвениста) существовала в индоевропейском еще до его распада на отдельные языки.

Отвлечемся от вопроса индоевропейского суперстрата в ЮКЯ и обратимся к двум конкретным типологическим сопоставлениям, при которых соотношения в ЮКЯ по сравнению с другими КЯ можно объяснить как результат трансформации. Оба примера подобраны таким образом, что в первом показана дифференциация ЮКЯ от ВКЯ и ЗКЯ; второй пример должен иллюстрировать дальнейшее развитие типа ЗКЯ в ЮКЯ. Речь идет о следующих случаях:

А. Упомянутое выше псевдоактивное переосмысление переходных глаголов в системе презенса.

Б. Дифференциация между квалифицирующим и соотносимым прилагательными.

Хорошим примером вторичного развития ЮКЯ является псевдоактивное переосмысление транзитивных глаголов в системе презенса, которое за пределами ЮКЯ не имеет параллелей. Ср. транзитивную эргативную конструкцию грузинского аориста *monadire-t mokla irem-i* «охотник (эргатив) убил оленя (им. падеж)» с транзитивным презенсом *monadire klavs irems* «охотник (им. падеж) убивает оленя (дат. падеж)». Несмотря на это, в ВКЯ и ЗКЯ обнаруживаются тенденции к вытеснению из предложения грамматического номинатива падежом деятеля ⁴⁹.

В западнокавказском адыгейском языке обнаруживается еще строго регламентированная последовательность личных префиксов в полиперсональной глагольной форме с грамматическим субъектом в первой позиции по старому образцу: переходн. *wə-se-š'e* «я веду тебя» с *wə* «тебя» в первой позиции в противоположность непереходн. *sə-qə-we-že* «я жду тебя» с *sə* «я» на первом месте. Это различие в расположении членов предложения за пределами глагольной формы нейтрализуется в пользу по-

⁴¹ См.: К.-Н. S c h m i d t, Zum Passivum im Georgischen und in indogermanischen Sprachen, RK, 13—14, 1962, стр. 116—126; е г о ж е, Zu den Aspekten im Georgischen und in indogermanischen Sprachen, RK, 15—16, 1963, стр. 107—115; другие работы в следующих томах RK, «Studia Caucasica», 2, 1965, стр. 48—57 и в «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», 22, 1967, стр. 81—92.

⁴² Ср. примеч. 12 и 33.

⁴³ К.-Н. S c h m i d t, RK, 28, 1971, стр. 262 и сл.

⁴⁴ Ср.: Т. В. Г а м к р е л и д з е, Анатолийские языки, в кн.: «Ориони. Сборник в честь А. Шанидзе», Тбилиси, 1967.

⁴⁵ G. D e e t e r s, Armenisch und Südkaukasisch, «Caucasica», Leipzig, 3, 1926; 4, 1927,

⁴⁶ G. D e e t e r s, RK, 23, 1957, стр. 16.

⁴⁷ G. D e e t e r s, «Corolla linguistica», стр. 26.

⁴⁸ Г. Ф о г т, ВЯ, 1971, 4, стр. 40.

⁴⁹ Об этих примерах более подробно см.: К. Н. S c h m i d t, Probleme der Typologie (Indogermanisch/Kaukasisch), «Festschrift A. Tovar» (в печати).

следовательности «агенса — объект — глагол»: переходн. *se we wə-se-š'e* «я веду тебя» в противоположность непереходн. *se we sə-qə-we-že* «я жду тебя» с *se* «я» и *we* «тебя» в первой (соответственно — второй) позиции.

В восточнокавказском табасаранском языке у транзитивных глаголов можно также различить два диахронически дифференцированных слоя: исторически более древняя классная флексия согласуется с грамматическим субъектом — переходн. *izu d-isnu-za baj* «я поймал парня» в противоположность *izu b-isnu-za zaqa* «я поймал птицу» (с *d* — соответственно *b* — в качестве классных показателей человека и нечеловека); личная флексия первоначально неличного глагола в ВКЯ, возникшая позднее, в противоположность этому, всегда соотносится с агенсом: непереходн. *izu țirxnu-za* (соответственно *țiwxnu-za*) «я (человек, соответственно птица) летел» обнаруживает тот же личный суффикс *-za*, с которым мы встретились в транзитивных конструкциях типа *izu d-isnu-za baj* (соответственно *izu b-isnu-za zaqa*).

В ВКЯ квалифицирующее прилагательное, т. е. прилагательное в узком смысле (например, табасаранск. *bici* «маленький» в *bici riš* «маленькая девочка»), дифференцируется от так называемого «соотносимого прилагательного»⁵⁰; это последнее соответствует родительному падежу существительного, на основе которого данное слово получает соответствующую флексию: табасаранск. *kaikul* «дерево», род. падеж *kaikulin* «деревянный, из дерева», например, в *kaikulin xal* «деревянный дом», отсюда эргатив прилагательного *kaikulindi*, род. падеж. *kaikulindin* и т. д.

В западнокавказском адыгейском языке между этими двумя категориями также проводится различие, но другими средствами: (квалифицирующее) прилагательное ставится (в противоположность обычной в других ареалах постановке определяющего перед определяемым) п о с л е соответствующего существительного, вместе с которым оно образует единство в акцентном отношении и по флексии. Ср. *wəs šχ^oante* «зеленая трава» (буквально: «трава-зеленая»), *wəs šχ^oante-xe-r-i* «и зеленые травы» в противоположность *č'ərbəs' wəp* «кирпичный дом», *č'ərbəs' wəne-xe-r* «кирпичные дома» и т. д. Типологически сопоставимое с адыгейским расположение заведительствовано древнейшими примерами также для ЮКЯ⁵¹, где, однако, позднее оно было в большей мере утрачено в пользу «basic order» «определяющее перед определяемым».

Оба примера подтверждают ранее приведенную типологическую схему и вскрывают вторичный характер трансформаций, проведенных в ЮКЯ. Было бы, очевидно, полезным с этой точки зрения собрать больше материала, в частности, привести примеры сложившегося в ЮКЯ (в отличие от ЗКЯ) склонения⁵² или архаического резкого противопоставления глаголов состояния и глаголов действия в ЗКЯ.

5. В связи с тем, что мы не имеем больше возможности продолжить исследование указанного комплекса вопросов, обратимся вместо этого к рассмотрению на основе примера ранее высказанной точки зрения о том, что более резкая дифференциация КЯ может оказаться полезной при анализе частных проблем.

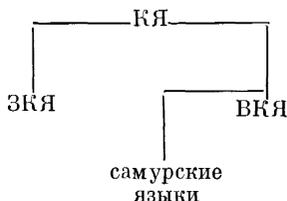
В ВКЯ направление и место выражаются с помощью превербов, которые ставятся перед глаголом, например, в адыгейском *š'agam de-s* «он сидит

⁵⁰ А. А. Магомедов, Табасаранский язык, стр. 156; Ю. Д. Дешериев, Грамматика хиналугского языка, М., 1959, стр. 34 и сл.

⁵¹ Г. А. Климов, К вопросу о порядке членов атрибутивного комплекса в картвельских языках, «Вопросы изучения иберийско-кавказских языков», М., 1961.

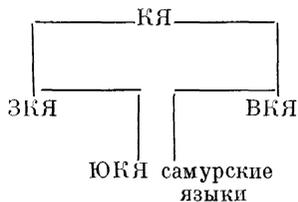
⁵² Ср.: Г. А. Климов, Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте, М., 1962.

во дворе», *xət xe-s* «он сидит в море» (с *de-* и *xe-* в качестве превербов); в противоположность этому в ВКЯ направление и место выражаются аффиксами локатива, следующими за именем. Это положение еще сохраняется в аваро-андийском, а в распространенных в Южном Дагестане самурских языках (лезгинском, табасаранском и т. д.) локативные отношения выражаются как превербами, так и падежными аффиксами⁵³. Вот пример из табасаранского: *bažar mekteb-ži-'-a* «дети находятся в школе», *bažar mekteb-ži-q-a* «дети находятся за школой»⁵⁴. Из этих фактов Б. Талибов сделал справедливый вывод, что в ВКЯ развитие превербов сначала происходило в хронологической плоскости самурского языка-основы, т. е. еще не имело силы для ВК языка-основы⁵⁵. При рассмотрении распределения превербов и локативов поэтому целесообразно исходить из положения о полярной противоположности типов ЗКЯ (с превербами перед глаголом) и ВКЯ (с аффиксами локатива после имени). Самурские языки в более поздний период отделились от типа ВКЯ в том отношении, что в них наряду с аффиксами локатива развились (согласующиеся с последними) превербы:

В ЮКЯ обнаруживается внешне родственное самурским языкам расположение: превербы (в позиции перед глаголом) выступают рядом с (следующими за именем) морфемами, служащими для обозначения местных отношений.

В отличие от самурских языков развитие здесь, очевидно, происходило таким образом, что сначала образовались превербы, а затем стали систематически появляться аффиксы имени. Однако действие «закона Вакер нагеля»⁵⁶ в ЮКЯ показывает, что здесь слияние преверба и глагола (как в индоевропейском) является результатом определенных трансформаций; с другой стороны, не подлежит сомнению, что в грузинском языке местные аффиксы имени возникли довольно поздно (частично уже в исторический период) из послелогов⁵⁷. Таким образом, и в этом вопросе вполне подтверждается наша только что приведенная типологическая схема.

⁵³ Ср. «Языки народов СССР», 4 — Иберийско-кавказские языки, М., 1967, стр. 535, 554, 575, 586, 601, 636.

⁵⁴ А. А. Магомедов, Табасаранский язык, стр. 240.

⁵⁵ Б. Талибов, К вопросу о структуре именных и глагольных основ в лезгинских языках, сб. «Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков», Махачкала, 1969, стр. 80—99, особенно стр. 96.

⁵⁶ Ср.: G. Deeters, Das kharthwelische Verbum, Leipzig, 1930, стр. 9 и сл.; К. Н. Шмидт, Zur Tmesis in den Kartvelsprachen und ihren typologischen Parallelen in indogermanischen Sprachen, в кн.: «Юбилейный сборник, посвященный Г. С. Ахвледиани», Тбилиси, 1969; е г о ж е, Zur Sprachtypologie des Ossetischen, RK, 27, 1970.

⁵⁷ Г. А. Климов, Склонение в картвельских языках в сравнительно-истори-

В связи с этим нам бы хотелось кратко остановиться на проблеме генетической реконструкции КЯ, которая, как мы уже говорили, может осуществляться только на основе лексических сопоставлений и звуковых законов. Языковое родство между ВКЯ и ЗКЯ после знаменитой работы Трубецкого о «Северокавказских лексических сопоставлениях»⁵⁸ может считаться доказанным. Все же остальное, насколько мне известно, не доказано, особенно генетическое родство ЮКЯ⁵⁹.

Краткое рассмотрение состояния исследований дает возможность заключить, что типологические и сравнительно-исторические методы дают различные выводы: первые подтверждают более тесную связь между ЗКЯ и ЮКЯ, а вторые делают вероятным генетическое родство между ЗКЯ и ВКЯ. Это подтверждает высказанное раньше положение, что генетическое и типологическое родство представляют собой два совершенно различных типа родства, которые необходимо строго разграничивать, причем выводы о языковом типе принципиально нерелевантны и недопустимы с точки зрения генетического происхождения.

Для проведения историко-генетических исследований важным является сопоставление инвентаря отдельных языков. Это может привести к реконструкции языковых моделей, называемых языками-основами.

При исследовании КЯ следует отметить большие успехи реконструкции ЮК языка-основы на материале исторически засвидетельствованных языковых единств (грузинский, сванский, лазский и мингрельский), с другой стороны, в отношении ЗКЯ и ВКЯ остается еще много сделать. Особенно осложнены возможности исследования ВКЯ, так как они весьма многочисленны и распадаются на различные подгруппы. Благодаря проведенным на Кавказе в Советском Союзе мероприятиям по сбору текстов, а также в связи с составлением соответствующих грамматик в настоящее время мы располагаем описаниями фактически всех КЯ. Задачей будущего остается реконструкция трансформаций, которые могли привести к засвидетельствованному в исторический период подразделению КЯ.

Перевел с немецкого *М. М. Маковский*

ческом аспекте, стр. 16 и сл.; G. I. M a c h a v a r i a n i, The system of the Ancient Kartvelian nominal flexion as compared to those of the Mountain Caucasian and Indo-European languages (separatum).

⁵⁸ «Wiener Zeitschrift für die Kunde der Morgenlandes», 37, 1930.

⁵⁹ Литературу и обсуждение вопроса см.: K. H. S c h m i d t, Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache, Wiesbaden, 1962, стр. 2 и сл